

АНГЛИЙСКИЙ ПИСАТЕЛЬ С РУССКИМ АКЦЕНТОМ: УИЛЬЯМ ДЖЕХАРДИ¹

Татьяна Красавченко,
Институт научной информации по общественным наукам
(ИНИОН) РАН, Москва, Россия

ENGLISH WRITER WITH A RUSSIAN ACCENT: WILLIAM GERHARDIE

Tatiana Krasavchenko,
Institute of Social Sciences Information (INION), Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russia

Works of William Gerhardie, a witness of two Russian revolutions and Civil war, is a vivid, unique fruit of cultural interaction, and first of all of Chekhovian implantation into British culture. In 1920s he was well known in Britain and the USA, especially in literary circles, and from 1990s he wins a wide recognition after new editions of his works and their translation into the main European languages. But he is still very little known in Russia, his works were not studied in Russian literary criticism. Gerhardie is a rare sample of a

---

¹ Произношение имени писателя – Герарди, Джерарди, Джехарди – до сих пор вызывает разногласия, даже в Великобритании. В «Мемуарах полиглота» (1931) он пишет, что привык к произношению имени теми, кто его носил, с мягким «g», то есть «h» в середине. Он с юмором отнесся к разному произношению своего имени и «издал указ» произносить имя как «Джехарди» по понедельникам, средам и пятницам; «Герарди» – по вторникам и субботам; а по воскресеньям – «Джиради» [Gerhardie, 1990, p. 201–202]. «Мемуарам полиглота» предшествует примечание издателя: в 1967 г. Уильям Джехарди изменил написание своей фамилии, добавив в конце «е», то есть Gerhardie вместо Gerhardi [Ibid., p. XV]. Газета «Таймс» 4 января 1967 г. прокомментировала, что Джехарди добавил конечное «е» в свою фамилию по аналогии с Данте, Шекспиром, Гёте и Блейком.

person and writer of English-Russian cultural border. The clash of cultural-civilizational traditions – Russian and English – determined his personal double identity and dramatic tension of his life, but in his works he synthesized, made an integral whole of Chekhovian and English (from Sterne, English caricature, William Hogarth, Dickens to Beckett) cultural traditions and created a striking modernist prose, which gave a creative impulse to the British writers of later generations – E. Waugh, G. Greene, O. Manning, A. Powell, W. Boyd a.o. Gerhardie, probably on more significant grounds than Katherine Mansfield, is often called in literary criticism an «English Chekhov» – it is a spectacular definition but not quite correct, since he was a writer of a different time, language, cultural, aesthetic tradition, which often led him to the polemics with Chekhov. His works are analyzed in this article in the channel of Chekhovian tradition, as a sample of modernist prose and from imagological point of view, since he created an expressive image of Russia, Russians, as well as Englishmen, in his early novels and memoirs.

Keywords: British modernist novel, imagology, Chekhovian tradition, English-Russian cultural borderland, double identity.

Творчество Уильяма Джехарди, свидетеля двух русских революций и гражданской войны, – яркий, уникальный плод культурного взаимодействия, прежде всего чеховской прививки на древо британской культуры. В Британии и США он был признан в 1920-е годы, прежде всего литераторами, и с 1990-х годов обретает широкое признание после переиздания его книг на английском и перевода их на основные европейские языки. В России его творчество до сих пор известно мало и совсем не изучено. Джехарди – редкий образец писателя англо-русского культурного пограничья. Столкновение двух культурно-цивилизационных традиций – русской и английской определило его

личную двойную идентичность, драматически сказалось на его жизни, но в творчестве он синтезировал, органично сочетал чеховскую традицию с английской культурной традицией, идущей от Стерна, английской карикатуры, от Уильяма Хогарта, Диккенса к Беккету, и создал яркую, самобытную, модернистскую прозу, которая дала творческий импульс британским писателям разных поколений – И. Во, Г. Грину, О. Мэннинг, Э. Пауэллу, У. Бойду и др. В критике Джехарди называют «английским Чеховым», пожалуй, с большим основанием, чем К. Мэнсфилд, – это определение эффектно, но довольно условно, ибо он писатель другого времени, языка, культурной, эстетической традиции, что порождало его полемику с Чеховым. В этой статье его раннее творчество рассмотрено в имагологическом ракурсе, ибо именно в 1920–1930-е годы писатель создает выразительный образ России, русских и англичан; в русле чеховской традиции и как проза модернизма.

Ключевые слова: английский модернистский роман, имагология, чеховская традиция, англо-русское культурное пограничье, двойная идентичность.

«Once I found myself sitting by the side of Osbert Sitwell, who said, after time: “William, are you English? I affirmed the fact [...] in accents more reminiscent of the Neva than of the Thames side...» [Gerhardie, 1990, p. 359] ².

---

² «Однажды я сидел рядом с [английским литератором – Т.К.] Осбертом Ситуэллом, который через некоторое время спросил меня: «Уильям, вы англичанин?» Я ответил утвердительно с акцентом, который больше напоминал о Неве, чем о Темзе...». Здесь и далее перевод с англ. мой. –

В творчестве Джехарди (1895–1977), главным образом раннем – в автобиографических романах «Тщета: Роман на русские темы» (1922) и «Полиглоты» (1925)³, в первой книге о Чехове на английском – «Антон Чехов» (1923), в документальных «Мемуарах полиглота» (1931) образ России, британско-русских взаимоотношений, образы русских и англичан оказываются вписаны в широкий исторический, культурно-цивилизационный, имагологический контексты.

Свою первую книгу «Тщета», посвятив ее Кэтрин Мэнсфилд, Джехарди опубликовал на пике англоязычного литературного модернизма – в 1922 году, то есть в год публикации «Бесплодной земли» Т.С. Элиота и «Улисса» Джойса. Они, безусловно, несколько затмили ее. Тем не менее, именно в 1920-е годы Джехарди стал знаменитостью в литературных кругах. Он обладал уникальным литературным «трагикомическим даром» и был окружен аурой экзотического русского прошлого. Его «дилемму» тонко заметил Бернард Шоу: « “If you’re English, he said, you’re a genius, but if you’re Russian... well, then, of course... “I’m English...”»[Gerhardie, 1990, p. 271]⁴, – быстро ответил Джехарди.

В литературе, как и в истории, не бывает сослагательного наклонения, но кто знает, что было бы, если б он издал «Тщету» на русском (английский литературовед Р.Д. Селл обнаружил рукопись на

Т.К.

³ Роман – «Тщета» переведен на русский М. Немцовым (Владивосток: Валентин, 2016, 148 с. 500 экз.), «Полиглоты» под названием «Нашествие варваров» – Э. Паттерсон (М.-Л.: Госиздат, 1926, 192 с. 3000 экз.)

⁴ «“Если вы англичанин, вы – гений, сказал он, – но если вы русский... ну, тогда, конечно,...” – “Я англичанин”...».

русском в архиве писателя в Кембридже [Sell, 1991, p. 34; Gerhardie, Notebooks]), возможно, появился бы яркий писатель-билингва или же эпигон Чехова, но Джахарди благоразумно, как настоящий англичанин, опубликовал этот, как и последующие романы, на английском и дал импульс целой плеяде британских писателей.

По словам Грэма Грина: «To those of my generation he was the most important new novelist to appear in our young life» (Цит. по: Times, 1973, p.15)⁵, другая известная британская романистка Оливия Мэннинг пошла еще дальше: «The humour of life, the poetry of death and the release of the spirit – these things William Gerhardie describes as no prose writer has done before him... He is our Gogol's *Overcoat*. We all come out of him» [цит. по: Gerhardie, 1987, p. X]⁶, а Ивлин Во заявил: «I shall never be as good as he. I know I have a great talent, but he has a genius», а самому Джахарди написал: «As you no doubt recognized I learned a great deal of my trade from your novels» [Цит. по: Davies, 1990, p. 313]⁷. По словам Чарльза Сноу, романы Джахарди оказали бóльшее воздействие на два поколения английских писателей, чем любые другие известные ему романы [Snow, 1970, p. 344]. «Полиглоты» в свое время стали в Оксфорде «библией

---

⁵ «Для моего поколения он был самым важным новым романистом, появившимся в нашей молодости»

⁶ «Юмор, поэзия смерти и свобода духа – все это присутствует в прозе Уильяма Джахарди, как ни у одного иного писателя... Он – наша “Шинель” Гоголя. Мы все вышли из него».

⁷ «Никогда не смогу достичь его уровня. Знаю, у меня большой талант, но он просто гений»... «Как вы несомненно сознаете, ваши романы во многом научили меня профессиональному мастерству»

молодежи; Исая Берлин, Бернард Майлз объявили его своим «литературным героем» [цит.по: Gerhardie, 1987, p.X].

* * *

Сам Джехарди писал о себе: «The manner, the style of the man, is plainly the influence of the early environment. That I have spent my first eighteen years in St.Petersburg is something which five years in the British army, three years at Oxford and the rest of my life in England can never undo» [Gerhardie, 1990, p. 7]⁸. А его автобиографический повествователь в романе «Тщета» формулирует культурную дилемму автора: «I am one of those uncomfortable people whose national “atmosphere” had been somewhat knocked on the head – an Englishman brought up and schooled in Russia, and born there, incidentally, of British parents (with a mixed un-English name...!)» [Gerhardie, 1971, p. 163–164]⁹. «You cannot spend your first eighteen years in Russia without getting the habit of keeping the chin down, which stifles the windpipe, whereas the English habit of holding the head back gives a high, sustained outlet of melody» [Gerhardie, 1990, p. 359]¹⁰.

* * *

---

⁸ «Поведение, стиль человека определяется влиянием его раннего окружения. Первые восемнадцать лет я провел в Петербурге, что не смогли перевесить ни пять лет в британской армии, ни три года в Оксфорде, ни вся моя последующая жизнь в Англии»

⁹ «...Я был одним из тех неудобных людей, чей национальный строй был перевернут с ног на голову – англичанин, выросший и учившийся в России, родившийся там, между прочим, у английских родителей (к тому же с путаным неанглийским именем...!)»

¹⁰ «Вы не можете провести первые восемнадцать лет своей жизни в России и не иметь привычку ходить с опущенной головой так, что подбородок давит на дыхательное горло, тогда как англичане привыкли откидывать голову назад, что позволяет мелодии звучать ясно».

В «Мемуарах полиглота», своеобразном документальном комментарии к романам, Джехарди пишет о себе, своих английских корнях, о деде – Уильяме Александре, который с женой-бельгийкой и дюжиной детей перебрался из Манчестера в Санкт-Петербург, куда они ехали на санях – железных дорог тогда не было. Дед построил хлопкопрядильную фабрику на правом берегу Невы в Санкт-Петербурге. Россия стала домом для семьи Джехарди. Отец его разбогател. В 1889 г. он женился на англичанке из Ланкашира, в трехлетнем возрасте приехавшей в Россию с родителями, а 21 ноября 1895 г. в Петербурге родился будущий писатель, его крестили в местной англиканской церкви [Gerhardie, 1990, p. 23].

Джехарди пишет о своем счастливом детстве в России, где благодаря Петру Великому, иностранцы всегда в большом почете. Учился Уильям в русском реальном училище. Он был полиглотом: с родителями говорил по-английски, с сестрами и братом – по-русски (даже в 1920 – 1930-е годы в минуты искренности они переходили на русский), с французской гувернанткой – по-французски, с немецкой – по-немецки. «But English peppered with Russian» [Gerhardie, 1990, p. 24]¹¹ стал для Джехарди естественным языком.

Отец писателя чувствовал себя в России комфортно: рабочие любили его, «What is it, my dove?», – обычно обращался он к рабочим. «A tender phraseology which, in Russia, contrasting with an equally usual violence of speech, goes straight to their hearts» [Gerhardie, 1990, p. 49]¹². Но любовь пролетариев оказалась ненадежной: в революционном 1905 г.

---

¹¹ «Но английский, подперченный русским»

¹² «В чем дело, голубь?»... «Ласковая речь, которая в России, контрастируя с обычной грубостью речи, трогает людей».

они закинули отца в мешок из-под угля и на тачке покатали к Неве – сбросить в реку. К счастью, по дороге пожилой смекалистый рабочий пристыдил их: можно ли так обращаться с британским социалистом Кейром Харди? И они (отец не стал отрицать, что он – Харди) с извинениями освободили его [Ibid].

Джехарди вырос на русской поэзии, казавшейся ему гораздо более естественной, чем французская, немецкая и английская. Его очаровала русская проза, особенно Тургенев и Апухтин, как никто иной передавшие чувство влюбленности; Гоголь был его ранним и долгим фаворитом, Толстой с его простотой и правдивостью, точностью детали заразил его желанием писать романы. Чехов и Пруст пришли позднее [Ibid, p. 58–59]. Существенно то, что писать Джехарди начал в России – книгу «Радости и печали», к тому же по-русски [Ibid, p. 60].

Родители послали его учиться в Лондон – в Колледж по подготовке секретарей. Слабость владения письменным английским он преодолел лишь во втором семестре благодаря чтению Оскара Уайльда и Б. Шоу [Ibid, p.72], но секретарь из него не вышел. В конце июля 1914 г. на каникулах у родителей – отец к тому времени стал совладельцем самой большой текстильной компании в Петербурге – Уильям работал в его офисе кем-то вроде главного бухгалтера, но на самом деле, прикрывшись бухгалтерской книгой, уже на английском, но на русский сюжет, писал пьесу «The Haunting Roubles» [Ibid, p. 75]¹³, которую, вернувшись в Лондон в Колледж, безуспешно пытался пристроить в театр.

В разгар войны, в конце 1915 г. он, предложив услуги «королю и отечеству», оказался в кавалерийских казармах в Йорке, а позднее – в Кавалерийском курсантском эскадроне в Ирландии, где получил

---

¹³ «Одержимые деньгами»

офицерское звание. К концу 1916 г. потребовались переводчики с русского. Так он очутился в Петрограде в британском посольстве, где расшифровывал телеграммы, принимал посетителей, писал письма; он работал с военным атташе, генералом Альфредом Ноксом, и наблюдал постепенный спад русской военной активности, которую старались оживить приезжавшие в Петроград британские дипломаты, чиновники, военные. Русские генералы жаловались на нехватку военного снаряжения. И оно начало прибывать из Британии в русские порты. Однако, замечает Джехарди, русские, требуя новых поступлений, зачастую не делали ничего, чтобы вывезти снаряжение на места, оставляя его ржаветь и гнить в снегу там, где разгрузили. Джехарди приводит случай, когда русский генерал, ревниво относившийся к успехам соперника, чтобы помешать его победам, намеренно направил снаряжение не туда, куда надо [Ibid, p. 115].

Британское посольство в России, по словам Джехарди, обвиняли и в том, что оно привело к революции, и в том, что мешало ей. Он признает, что англичане пытались влиять на российские власти: обычно британский посол или приезжавший в Петроград государственный деятель, даже консерватор, убеждал императора предоставить народу долю самоуправления через Думу; и обычно русский император с доброжелательным достоинством просил их не вмешиваться не в свои дела [Ibid, p.113]. По мнению Джехарди, британский посол сэр Джордж Бьюкенен проявил чуткое понимание русской политики. Как медиум-спиритуалист, он очистил свое «монархическое» сознание от «личного багажа» и как телефонная служба, имеющая две линии, передавал в Лондон настойчивые требования Керенского, Милюкова, Терещенко, даже Троцкого: спасти Россию от сепаратного мира с Германией может

лишь прекращение войны [Ibid, p.116]. Но из Лондона ему отвечали, что ничто, в том числе и крах России, не имеет значения, кроме победы в войне. Тогда он убеждал российских государственных деятелей активизировать «уставшего русского колосса» в схватке с Германией. Так они и поступали, но вскоре каждый премьер-министр понимал, что гонит «мертвую лошадь».

В первые дни революции, по мнению Джахарди, не было ни одного англичанина в посольстве, который бы не был охвачен энтузиазмом. В характерной для себя манере Джахарди вводит в свою интерпретацию Февральской революции сравнение быстрого падения русского царя с персонажем из знакомого каждому британцу английского детского стихотворения о смешном круглом человечке Humpty Dumpty¹⁴.

Джахарди пишет, что полиция сопротивлялась лишь первый день, стреляла в толпу с крыш домов; взятых в плен полицейских выстроили, сделали полынью во льду на реке и толкали под лед баржевыми шестами. Джахарди иронически комментирует: «No blood was spilled. And the First

---

14

Шалтай-Болтай

Сидел на стене

Шалтай-Болтай

Свалился во сне.

Вся королевская конница,

Вся королевская рать

Не может Шалтая

Не может Болтая <...>

Заново собрать! *Перевод С.Я. Маршака*

Revolution was accordingly called “The Bloodless Revolution”»¹⁵ [Ibid, p.125].

В романе «Тщета» автобиографический повествователь с юмором и не без иронии описывает разноликий русский народ – участник Февральской революции в расколотовой России. В один из первых дней революции по дороге домой он проходит по Троицкому мосту мимо роты восставших солдат: «They marched alert and joyous to the sound of some old familiar marching songs till they came to the words “for the Czar”. Having sung these words they stopped somewhat abruptly and perplexed. “How for the Czar?” one of them asked. “How for the Czar?” they repeated, looking at each other sheepishly. Then they marched without singing. There were peasants who did not know the word “revolution” and thought it was a woman who would supersede the Czar. Others wanted a republic without the Czar. And there were others still who interpreted the word republic as “rezshpublicoo”...» [Gerhardie, 1971, p. 67]¹⁶. В этом же эпизоде он описывает встречу на Троицкой площади с русским офицером, который привлеченный британской формой, заявляет, что теперь русские будут более энергичными союзниками для англичан. Позднее в романе «Полиглоты» Джехарди вводит

---

¹⁵ «Крови не было. И первую русскую революцию прозвали “бескровной ”».

¹⁶ «Они шагали живо и радостно, распевая старую знакомую песню, пока не дошли до слов “за царя”. Пропев эти слова, они резко остановились, озадаченные. “Как за царя?” – спросил один из них. “Как за царя?” – повторяли они, глуповато переглядываясь. И зашагали без песни. Встречались крестьяне, которые не знали слова “революция” и думали, что это женщина, которая сменит царя. Другие хотели республику с царем. А были и такие, кто истолковывал слово республика как “режьпублику”...».

мотив русского мужика как некой аморфной, неодолимой силы, живущей своей жизнью, – это история выходца из Малороссии, кучера Степана – «фаталиста», который на все вопросы отвечал: «All is possible» – «Все возможно» и относился к жизни с униженным смирением. Начав пить, он вывалил свою хозяйку из коляски, на ее замечание – больше так не делать, он ответил: «Все возможно» и снова вывалил ее; она уволила его, но он остался на своей койке, молчаливый и смиренный, выходил лишь ночью на полчаса и никто ничего с ним не мог поделать [Gerhardie, 1987, p. 140–142].

Словно снимая с короля Георга V обвинение в том, что он не спас своего кузена Николая II, Джехарди пишет о том, что король предложил императору и его семье убежище в Англии, но они реагировали не сразу, а когда приняли решение в пользу Дании, власть Временного правительства была подорвана Советами рабочих и солдат. Да и само правительство боялось, как бы эмиграция императрицы, немки по рождению, в нейтральную страну не привела к утечке военной информации. Керенский, отправил императорскую семью в тихие глубины Сибири, надеясь, что о ней забудут. А большевики, уже сбросив Керенского, начали проигрывать чехам в Сибири, и чтобы те не передали их Белой армии, казнили императора и его семью, вписав еще одну жестокую страницу в затопленную кровью историю [Gerhardie, 1990, p.126].

В политике Джехарди был либералом [Ibid, p.173] и реалистом – это очевидно, в частности, в том, что ему нравится П.Н. Миллюков, в А.Ф. Керенском он видит первоклассного премьер-министра для начального периода революции, когда она сохраняла еще некий уровень идеализма, и признает, что более реалистический этап революции потребовал не

вызывавшего у него восторга Ленина [Ibid, p.127], который легко скинул первое русское либеральное – Временное – правительство в России, ибо оно убеждало народ, победивший в революции, победить и в войне, тогда как народ не хотел воевать [Ibid, p.128–129].

После большевистской революции 1917 г. события приняли, по словам Джехарди, «зловещий оборот»: он посоветовал родным – они потеряли все, что имели, – уехать в Англию. Отец больной (частично парализованный) вернулся с женой в Англию и позднее умер в дешевом пансионе в Тироле.

А вскоре стало ясно, что и британскому посольству далее оставаться в Петрограде бессмысленно. Германия быстро продвигалась в балтийские области, и союзники опасались, как бы военные склады в Ревеле, оказавшись у немцев, не были использованы на Западном фронте. И большевики, на взгляд Джехарди, уже тогда проявили свою террористическую сущность: Крыленко, советский военком, согласился взорвать склады боеприпасов, и когда полковник Торнхилл [британский военный атташе, сменивший Нокса – *Т.К.*] посоветовал вывести население из города, заверил его, что можно не беспокоиться, ибо большая часть населения Ревеля – буржуазия, а она, несомненно, настроена контрреволюционно [Ibid, p.131].

В марте 1918 г. Джехарди (с сотрудниками посольства) уехал в Англию. Позднее он писал о войне как о главном катализаторе социально-политической жизни XX в.: вызванная решительным намерением демократии сокрушить авторитаризм, война привела к большевизму, с одной стороны, и фашизму – с другой [Ibid, 98]. Но еще во время Первой мировой войны в преддверии революций он проницательно заметил о России: «There is nothing petty about the Russian

mind. If it errs at all, it is on the side of the grandiose. The disproportion between the scale of conception and the amount of achievement is apt to be considerable. [...] In this lies the humour and genius of the race» [Ibid, p.114]¹⁷.

* * *

В июне 1918 г. Джахарди вновь направили – в Россию, на этот раз в Сибирь, в штаб британской военной миссии (во главе с генералом Ноксом), где он провел два года, получив звание капитана [Ibid, p. 138].

Позицию союзников и ситуацию в целом он объясняет одновременно как либерал и англичанин – спокойно, без эмоций и крайностей: люди в России, верившие в то, что война – лишь прелюдия к революции, заключив сепаратный мир с Германией, вели себя достойно со своей точки зрения, но непростительно с точки зрения союзников имперской России, считавших, что в войне, которую начинали вместе, в критический момент их подвели [Ibid, 144]. Защиту белых от большевистской мести он расценивает лишь как дань союзничеству во время войны, проявление общечеловечности, что было, по его мнению, ошибкой, ибо это была помощь вполсердца, тогда как вся моральная сила была на другой стороне. События показали, считает Джахарди, что русские патриоты-белогвардейцы призывали любую страну, кроме собственной, помочь им, тогда как большевики, не допуская слово “Россия” в свои сводки, оказались подлинными патриотами, выступив

---

¹⁷ «В русском сознании нет места для мелкого, незначительного. Если оно и заблуждается, то всегда в сфере грандиозного. Расхождение между масштабом замысла и объемом достижений – существенно. [...] В этом кроется юмор и гений народа»

против интервентов за национальную целостность страны [Ibid, p. 145, 146–147].

Джехарди вспоминает, как адмирал Колчак, проезжавший через Владивосток, зашел с генералом Ноксом в его комнату – в ней не было стульев и он сел на кровать. Джехарди смотрел на него с интересом как на потенциального Наполеона, не ведая того, что через восемнадцать месяцев его казнят. А слушая Ленина, бомбардировавшего столицу, как ему казалось, пустыми словами, он не предвидел, что через пару лет она будет называться именем Ленина [Ibid, p.150].

И Джехарди, и его автобиографические повествователи в обоих романах со временем все более ощущают бессмысленность своей миссии. Они видят происходящее, в основном из окна британского штаба или комфортабельного штабного поезда; круг их общения – британские военные, русские генералы, беженцы из Петербурга и остальной России, основное времяпрепровождение – банкеты, танцы – и ожидание. Военная сфера показана как бесполезная. В этом плане выразителен в «Тщете» эпизод приезда британцев во фронтовую полосу, где выясняется, что в то утро четыре полка перешли на сторону врага. От белой дивизии осталось четырнадцать человек, командир и его штаб – триста офицеров. Командующий говорит, что будет ждать: он надеется, что люди вернуться. Британский адмирал саркастически спрашивает его, на кого же он надеется? На Бога? Да, ответил тот, больше нам надеяться не на кого. И адмиралу стало стыдно [Gerhardie, 1971, p. 126–127].

На прошение Джехарди о возвращении в Англию, ему ответили, что его служба необходима и наградили русским орденом Святого Станислава, Орденом Британской империи и чехословацким военным

крестом. Лишь в мае 1920 г. началось его плавание обратно – в Англию, куда он вернулся в августе 1920 г. [Gerhardie, 1990, p. 152–153].

* * *

Вернувшись в Англию в 1920 г., Джехарди поступил в Оксфордский университет (Ворчестер колледж). Там он работал над эссе о Чехове, позднее вошедшем в книгу о нем, и над романом «Тщета», написанном практически по чеховскому «рецепту». Импульс к его созданию дала встреча во Владивостоке на одном из вечеров с русской девушкой (она научила его танцевать джаз), он влюбился в нее и в результате «написал роман» [Ibid, p.151]. Из Оксфорда он посылал ей любовные письма, поклявшись помнить ее десять лет, и за месяц до истечения срока получил письмо от нее, теперь уже замужней женщины, приехавшей в Париж после десяти лет в Китае – с предложением встретиться [Ibid, p.167]. Но из этого ничего не вышло, недаром роман назывался «Тщета».

Несколько издателей отвергли роман Джехарди. И писатель попросил рекомендацию у Кэтрин Мэнсфилд. Она жила в горах Швейцарии смертельно больная туберкулезом, тем не менее, за неделю прочитала книгу неизвестного ей Джехарди, а через две – нашла издателя [Ibid, p.170–172].

«Тщета» – это одновременно книга о хаотической жизни русской семьи на фоне жизни революционной России, и «исследование» «загадочной русской души», и остроумный роман, пародирующий русскую литературу и воздающий ей должное, а в целом – это роман о человеческом экзистансе. По определению К. Мэнсфилд, это «a living book [...] it goes breathing» [Цит.по: Craig, 1982, p. 240]¹⁸, и, вероятно, для

---

¹⁸ «живая книга [...] она «дышит»

нее, большой поклонницы Чехова, важную роль сыграло явно чеховское начало романа. Но и далекая от русской литературы, американская писательница Эдит Уортон в предисловии к американскому изданию романа оценила его «английские качества» – «the fun, pathos and irony» [Gerhardi, 1922, p. 3]¹⁹. А Г. Уэллс в лондонском литературном журнале «Адельфи» сожалел: «Why was there no shouting about Gerhardi's "Futility" – shouting to reach the suburbs and country towns?» [Цит.по: Gerhardie, 1971, p. 9]²⁰.

В центре романа – любовь выросшего, как и автор, в России, англичанина-повествователя (его называют Андрей Андреевич) к Нине, средней дочери в петербургской семье Бурсановых, состоящей из отца – Николая Васильевича, его трех дочерей – Сони, Нины, Веры (эхо «Трех сестер» Чехова), его гражданской жены, бывшей актрисы – немки Фанни Ивановны; законной, но покинувшей его жены – Магды Николаевны, его юной любовницы – Зины и ее многочисленной семьи, первого и второго любовников Магды, а также барона Вундерхаузена, поклонника, а затем мужа Сони, нацеленного на доходы тестя. Николай Васильевич считается богатым, но его состояние, основанное на не приносящих дохода золотых приисках в Сибири, – фантом. Он легкомыслен и инфантилен, как Стива Облонский. Очевидно, таково представление Джехарди-англичанина о русской семье: многолюдной, хаотичной, неотразимо притягательной.

Жизнь Бурсановых и их окружения проходит в танцах, вечеринках, но доминанта их жизни – о ж и д а н и е. Они живут не

---

¹⁹ «забавность, пафос и иронию...»

²⁰ «Почему нет шума по поводу “Тщеты” Джехарди – шума, который достигал бы предместий и городов?»

настоящим, а ожиданием будущего и счастья. Тут Чехов плавно перетекает в Беккета, предваряя его пьесу «В ожидании Годо» (1952).

Кажется, будто часто не бывающий дома Николай Васильевич что-то делает. Но повествователь понимает: он где-то слоняется, занятый видимостью деятельности [Gerhardie, 1971, p. 75]. И возникает впечатление: герои Чехова перенесли в ситуацию революции, обстоятельства изменились, а люди – нет. Николай Васильевич переключается с персонажами «Дяди Вани» – Войницким, Астровым, профессором Серебряковым, варьируя их, звучащие как лейтмотив, слова: «надо делать дело». Он хочет делать дело, поправить дела и начать жизнь заново, но признается в своей бессилии [Ibid, p. 79].

Как-то повествователь с Николаем Васильевичем ночью выходит на улицу и ощущает нечто безнадежное в этой ночи, тоску, вызванную политическим и экономическим хаосом. И далее следует символическая сцена: они пересекают Дворцовую площадь и перед ними из-за кучи хвороста, возникает пьяный солдат с ружьем и требует денег, держа палец на спусковом курке. Денег у них нет. Он требует курева – и курева у них нет. Тогда солдат, то ли припугивая их, то ли смягчаясь, поясняет им: «“And I [...] go about, you know, letting the guts out of the *bougouys*”. “That’s right, Comrade”, ventured Nikolai Vasilievich. “Kill them all, dirty dogs!” “I will”, said the soldier cheerily and walked off into the night, while we went our way» [Ibid, p. 80]²¹. Так пьяный солдат выносит приговор «чеховским» героям романа.

---

²¹ «А [...] я тут, понимаете, шатаюсь по округе и выпускаю кишки *буржуям*. “Правильно, – осмелился Николай Васильевич. – Бей их всех, гадов!” “Буду бить”, – весело сказал солдат и исчез в темноте, а мы пошли дальше».

* * *

Роман «Полиглоты» – усиленная версия ощущения немислимой бездейственности, парализующей инерции, господствующих в романе «Тщета». Повествователь втянут в хаотическую домашнюю жизнь семьи сестры своего отца – тети Терезы, которая ищет сначала в Японии, потом в Харбине убежище от Первой мировой войны.

Русская нить в «Полиглотах» основополагающая. Джахарди создает амбивалентный образ России. Он со вкусом рассказывает историю первого замужества тети Терезы: она рано лишилась родителей, ее удочерила русская княгиня, вырастила со своей дочерью, из-за чудесной красоты баловала «вне всякой меры» и выдала замуж за молодого бездельника – Николая, сына богатого помещика и бывшей гувернантки – мадемуазель Фифи. Русскую бесшабашность Николай сочетал с подлинно парижской веселостью. Джахарди описывает его с характерным для англичанина смешанным чувством восхищения и ужаса: Николай размахивал заряженными пистолетами, мог внезапно выстрелить, гонял на тройках с цыганками – оргия была его стихией. Любитель практических шуток, он привязал полицейского к дрессированному медведю и бросил их в канал, удерживая на веревке. А однажды купил жирафа и привел в спальню к Терезе. Рациональная и волевая, она терпела, надеясь, что он унаследует княжеский титул, и она станет княгиней, но он вдруг отдал Богу душу. Тереза вышла замуж за бельгийца [Gerhardie, 1987, p. 7–8]. Ее опыт жизни в России привел ее к выводу: русских людей не волнует, какое у них правительство, они вполне счастливы, пока имеют еду и одежду [Ibid, p.98].

Повествователь в «Полиглотах» понимает, что живет на сломе истории, в которую оказался втянут в России, и ему кажется, это время

потерянных людей – что, в первую очередь, относится к русским. Символический смысл обретает описание повествователем плавания на судне «Пенза» Русского добровольческого флота в июле 1918 г. из Токио во Владивосток: «...Captain, as he sat among us at the head of the table, had a meek, resigned look in his eyes, as if he didn't quite know what he was going to do next, while the ship's officers, professing disgust for the tedium of their prosaic occupations, speculated with enthusiasm on high politics, religion, literature, and metaphysics, upon which plane of thought navigation and such-like matters appeared proportionately negligible things. Meanwhile the ship somehow went on, thud after thud – and even reached its destination» [Ibid, p. 43–44]²². Тут явно многое, из того, что повествователь считает специфически русским: отвращение к рутине повседневности, склонность говорить о высоком, общая пассивность и медленное, с перебоями, но все-таки продвижение к цели.

Как и в «Тщете», в «Полиглотх» Джекхарди отказался от традиционного последовательного сюжета, стремясь, подобно Чехову показать жизнь, как она есть – в ее хаотичности, однако понял, что избавиться от сюжета невозможно, но можно использовать иной его тип – неброский, выявляющий то, что находится под поверхностью и определяет судьбу человека. В сложном конгломерате жизни он выявляет лейтмотивы.

---

²² «У капитана, который сидел во главе стола, было смиренное, отсутствующее выражение в глазах, как будто он не совсем знал, что будет делать дальше. Офицеры на корабле, испытывая отвращение к скучным повседневным занятиям, с энтузиазмом говорили о большой политике, религии, литературе и метафизике. Тем не менее, корабль – с глухими содроганиями – двигался и даже достиг пункта назначения».

Прежде всего, метафоричный м о т и в п о л и г л о т а – скитальца по миру, нигде не чувствующего себя дома, а в данном случае попавшего в мир войны и русской революции. Говорящие фамилии в романе (повествователь – Джордж Гамлет Александр Дьяболо, капитан Негодяев, майор Бистли, т.е. Зверский и др.) дополняют трагикомедию и путаницу существования.

История все более «наезжает» на персонажей романа. Из Харбина они перебираются в Шанхай. Многонедельное плавание затерянных в истории персонажей из Шанхая в Англию на лайнере «Носорог» (своего рода Ноев ковчег) обретает метафорический смысл как плавание в неведомую жизнь.

На «Носороге» Джордж встречает генерала Похитонова, приплывшего из Гонконга, но власти, не доверяя ему (в начале революции в России он примыкал к восставшим), не пускают его на берег. И так в каждом порту (Шанхай, Каир, Коломбо, Гибралтар). С сорванными нервами, бессвязной речью, генерал дрейфует по миру без цели. Его история – своеобразная притча о человеке, поставленном историей в безвыходное положение.

Еще одна важная линия – капитана Негодяева. Повествователь познакомился с ним в Харбине и поначалу гротескно описал его сходство с крысой на задних ногах. Негодяев робок, сервилен, навязчиво рассказывает о своей жене и семилетней дочери в Новороссийске, которых не может принять, ибо живет в железнодорожном вагоне [Ibid, p. 43]. И зачитывает безысходное, с пронзительной чеховской интонацией письмо жены о жизни, лишенной радости, без будущего, в провинциальной постреволюционной России [Ibid, p. 90]. Тетя Тереза реагирует активно, по-английски: предлагает ему поселить их в Харбине

у нее. И переиначивая гоголевское – «все обман, все не то, чем кажется», Джекхарди подводит к тому, что именно этот малопривлекательный персонаж оказывается достойным собеседником для повествователя. На его «русский вопрос», в чем смысл жизни, Негодяев отвечает: жизнь не имеет смысла и, возможно, существует, чтобы дать смысл смерти [Ibid, p. 251].

В «Полиглотах» жизнь не только тщетна, она трагична, непредсказуема, непостижима. Настойчиво врывается мотив смерти. Сына тети Терезы – Анатоля Вандерфлинга казнят накануне прекращения военных действий за то, что он заснул на посту; ее брат – дядя Люси, прибыв с многодетной семьей в Харбин из-под Красноярска, где у него рухнул бизнес – экспорт мехов, одевшись как трансвестит (женские чулки, крепдешиновый камзол, ночной чепчик сестры) повесился. И ключевой эпизод романа – смерть Наташи Негодяевой, приехавшей с мамой к отцу в результате хлопот тети Терезы.

На «Носороге» у Наташи, ставшей всеобщей любимицей и молившейся перед иконой Николая-чудотворца за «нашу бедную Россию», начался сильный жар – через три дня она умерла. Ее хоронят в океане, завернув в парус с гирями и русским триколором – тут явна перекличка с похоронами Гусева в одноименном рассказе Чехова (1890), где умершего зашивают в парусину и сбрасывают в море [Чехов, 1977, с.338–339]. У Чехова обыденность смерти сочетается с ее ужасом, с триллерным пожиранием Гусева акулой и живой, масштабной реакцией океана и неба на смерть человека. Джекхарди заворожен этим изображением смерти. В книге «Антон Чехов» он пишет, что любой другой писатель в такой сцене ввел бы прилагательные в превосходной степени, адекватные степени ужаса происходящего, но Чехов сохраняет

художественный инстинкт сдержанности [Gerhardi, 1923, p.145 – 146]. Тот же инстинкт свойствен и Джехарди: он лишь упоминает акул, сопровождающих лайнер, как зловещий знак приближения смерти.

Мотив смерти Наташи – мотив (тут традиция Достоевского) невинного ребенка, в сумятице революции выброшенного на «семь ветров» истории и, в конце концов, уничтоженного. Джордж думает о маленькой русской девочке в глубинной огромности Индийского океана, с которой умерла сама жизнь и красота [Gerhardie, 1987, p. 316]. Роман обретает глубокий экзистенциальный смысл. Отец Наташи после похорон, вглядываясь в океан и словно спрашивая у него, в чем смысл смерти, у которой нет смысла, плачет [Ibid, p. 306]. Джордж напоминает ему завершающие строки тургеневских «Отцов и детей»: «...цветы, растущие на ней [на могиле –Т.К] не об одном вечном спокойствии говорят нам [...], о вечном примирении и жизни бесконечной» [Тургенев, 1976, p. 334]. Самому Джехарди ближе Чехов, о котором пишет: «Whatever death may be, there is a significance, he feels, even in the blackest silence of extinction. For it, too, is but a phase of the diversity of life...» [Gerhardi, 1923, p. 49]²³.

Трагизм сочетается в романе с гротеском, иронией и юмором. Джехарди любит русские прибаутки, одну из них приводит повествователь, утешая свою тетю, ожидающую в Харбине деньги от брата из Красноярска: «Patience, patience, and once again patience, said General Kuropatkin as he lost the Russo-Japanese War» [Gerhardie, 1987, p.

---

²³ «Какова бы ни была смерть, он чувствует смысл даже в самом черном молчании исчезновения. Ибо это тоже лишь фаза жизни, вечного изменения...».

56]²⁴, возможно, пародируя крылатое советское, обычно приписываемое Ленину: «Учиться, учиться и еще раз учиться». С гоголевского диалога начинается знакомство тети Терезы и гротескным белым генералом Пшемович-Пшевитским. Она спрашивает его, знавал ли он русских аристократов – Трубецких, с которыми она была накоротке в молодости. Тот, в духе Хлестакова, отвечает: «Ах! Кто же их не знал!» (А Джордж Дьяболо вспоминает, что по слухам генерал в свое время был жандармом, охранял улицы) [Ibid, p. 93–94].

* * *

Главный смысл «чеховского мироощущения» Джекхарди – жизнь сопротивляется любому виду четкого упорядочивания, кроме хронологии. Персонажи остаются неизменными, оказываясь в разных местах и ситуациях. Лейтмотивы, на которых построена художественная структура, определяются тем, что каждый персонаж – одинокая душа, живущая в созданном им мире.

Но с первой же части «Тщеты» самим ее названием – «Три сестры» – Джекхарди прокламирует не только преемственность по отношению к Чехову, но и полемику с ним: повествователь в разговоре с Николаем Васильевичем удивляется чеховским сестрам, ему кажется странным, что они не могут делать, что хотят, не могут поехать, куда хотят и даже не знают, что хотят. Николай Васильевич не согласен: «It is all very well, he said slowly, t o t a l k. Life is not so simple. There are complications, so to speak, entanglements [...] Chekov is a great artist» [Gerhardie, 1971, p. 18–19]²⁵. В сущности, в романе сталкиваются две модели поведения –

---

²⁴ «Терпение, терпение и еще раз терпение, говорил генерал Куропаткин, проигрывая русско-японскую войну».

²⁵ «Это очень хорошо, сказал он медленно, – г о в о р и т ь. Жизнь не так проста. Существуют осложнения, так сказать, запутанные ситуации

западная, английская, протестантская (повествователь) и русская, православная (Николай Васильевич, его дочери).

В «Полиглотах» Джехарди противопоставляет русскую «модель поведения» английской. На пароходе громкое философствование капитана Негодяева вызывает неодобрительный взгляд на него английской дамы – сквозь лорнет. Джордж советует ему не говорить так громко: людей шокирует такое волнение из-за Бога и Вселенной. А Негодяев отвечает, что никогда так не смеялся, как вчера вечером, увидев, как англичане играли в карты, без звука, без движения, будто они в церкви, с убийственной для любого нормального человека скукой, в России уже давно кто-нибудь вскочил, протестовал, назвал бы другого обманщиком [Gerhardie, 1987, p. 275].

Сам автор отдает себе отчет в культурно-цивилизационном расхождении и даже несовместимости двух миров: русского и английского. Но его автобиографического героя, комически-романтического эксцентрика с литературными наклонностями влечет к русским персонажам, иррациональным, беспечным, неорганизованным, непрогнозируемым, хотя он не может найти гармоническое созвучие с их миром. Он понимает, что их мир не поддерживает ни его романтическое мироощущение, ни его прагматическое, действенное начало. Когда он объясняется Нине в любви, она, явно «снижая» его, говорит, что у него на носу сажа [Gerhardie, 1971, p. 174], а слушая его философские рассуждения, замечает лишь нелепую мимику его лица. Когда же он, в духе своей протестански-действенной и рациональной натуры, пытается помочь Бурсановым – разработать разумный план действий, разумной организации жизни, это вызывает у них смех.

[...] Чехов – великий художник».

Как и чеховская Нина в «Чайке», Нина у Джахарди не любит молодого писателя. Ее отъезд с сестрами из Владивостока в Шанхай кладет конец его надеждам. Но, в отличие от Константина Тrepлева, у него достаточно сил пережить безответную любовь: его спасают его литературные амбиции. И тут ему, довольно парадоксально, противопоставлен русский литератор – дядя Костя, родственник Зины, которого все с уважением считают писателем, хотя он ничего не опубликовал и неизвестно, написал ли хоть что-то. Повествователь спрашивает дядю Костю как коллегу-писателя, о чем он думает; тот отвечает, что мысли у него разные, но ускользающие, калейдоскоп тонких оттенков, и он открыл великую истину: жизнь слишком замечательна и неуловима для слов – писательство тщетно. Так, вечная сосредоточенность русской культуры на роли и долге интеллектуала–писателя сведена здесь к абсурду, к еще одной фантомности (см.: Sell, 1991, p.42).

Прозрение дяди Кости вызвало у повествователя сочувствие, но сам он словно принимает эстафету у русских литераторов и создает роман «Тщета». Драма жизни – крах любви приводит его к мысли о создании книги. И тут он идет русской стезей. Для него, как и для многих русских писателей, особенно XX в., творчество – это спасение, память, защита.

Джахарди – драматичная фигура в истории английской литературы. Если учесть значение России в его жизни и то, что именно она дала ему импульс как писателю, то его можно рассматривать как редкий образец писателя англо-русского пограничья. «Двойная идентичность» осложнила его жизнь и привела к раздвоению. Он воспринимал жизнь не совсем по британским стандартам и не вписался

полностью в английский контекст, хотя был признан британскими коллегами, а «король британской прессы», миллионер, лорд Бивербрук, назвал его «гением» [Gerhardie, 1990, p. 243]. Но недаром Джордж Гамлет Дьяболо в «Полиглотах» замечает: «...like my royal namesake from Shakespeare, I finally arrived at no conclusion at all. I am cursed with a Hamletian inaction. Russia has bitten me much too deeply» [Ibid, p. 167–168]²⁶. Джехарди жил и умер в Лондоне в бедности. Возможно, он не желал заниматься ничем, кроме писательства, проявляя русский максимализм.

Но испытывая раздвоение в жизни, он сохранил цельность в творчестве и органично сочетал русскую традицию, прежде всего чеховскую, хотя и не только, с английской гротескно-комической манерой повествования (идущей от английской карикатуры, от Уильяма Хогарта, от Чарльза Диккенса) и с экзистенциальной проблематикой; он органично вписался, как заметил американский литературовед Р. Крэг, в английскую литературную традицию, ведущую от Стерна к Беккету (Craig, 1982, p. 241). Определение Джехарди как «английского Чехова» [Sell, 1991, p. 48] – эффектно, но неточно. Сам английский язык преобразил чеховский темперамент и эстетику в тексте Джехарди, не говоря уж о том, что писатель жил и писал совсем в другое время. Творчество Уильяма Джехарди, свидетеля двух русских революций и гражданской войны, – яркий, уникальный плод культурного взаимодействия, прежде всего чеховской прививки на древо британской

---

²⁶ «Как мой королевский шекспировский тезка, я не мог прийти ни к какому окончательному решению. Я проклят гамлетовской бездеятельностью. Россия слишком сильно ужалила меня».

культуры. В Британии и США он был признан в 1920-е годы, прежде всего литераторами, и с 1990-х годов обретает широкое признание после переиздания его книг на английском и перевода их на основные европейские языки. В России его творчество до сих пор известно мало и совсем не изучено. Джекхарди – редкий образец писателя англо-русского культурного пограничья. Столкновение двух культурно-цивилизационных традиций – русской и английской определило его личную двойную идентичность, драматически сказалось на его жизни, но в творчестве он синтезировал, органично сочетал чеховскую традицию с английской культурной традицией, идущей от Стерна, английской карикатуры, от Уильяма Хогарта, Диккенса к Беккету, и создал яркую, самобытную, модернистскую прозу, которая дала творческий импульс британским писателям разных поколений – И. Во, Г. Грину, О. Мэннинг, Э. Пауэллу, У. Бойду и др. В критике Джекхарди называют «английским Чеховым», пожалуй, с большим основанием, чем К. Мэнсфилд, – это определение эффектно, но довольно условно, ибо он писатель другого времени, языка, культурной, эстетической традиции, что порождало его полемику с Чеховым. В этой статье его раннее творчество рассмотрено в имагологическом ракурсе, ибо именно в 1920–1930-е годы писатель создает выразительный образ России, русских и англичан; в русле чеховской традиции и как проза модернизма.

Он двигался в том же русле, что и его британские современники-модернисты: В. Вулф, Дж. Джойс, но своим путем: он отверг традиционный сюжет, но «характер», «персонаж», умеренный психологизм остались важны для него, изображение эксцентрических характеров и ситуаций он сочетал с трагикомедией повседневной жизни

и пониманием трагикомических масштабов человеческого существования.

Список литературы

Тургенев И.С. Отцы и дети // Тургенев И.С. Собр.соч.: В 12 т. М.: Худож. лит., 1976. Т.3. С.151–334.

Чехов А.П. Гусев (1890) // Чехов А.П. ПСС: В 30 т. М.: Наука, 1977. Т.7. С. 327 – 339.

Bailey J. Baby Face: William Gerhardie // Bailey J. The power of delight: a lifetime in literature: essays, 1962–2002 / Ed. by Carey L. N.Y.: W.W. Norton, 2005. P. 89 – 94.

Craig R. The Early Fiction of William Gerhardie // Novel: A Forum on Fiction. Durham: Duke univ.press, 1982. Spring. No 3, vol. 15. P. 240 – 245.

Davies D. William Gerhardie: A biography. Oxford: Oxford univ. press, 1990. 446 p.

Gerhardi W. Futility. A Novel on Russian themes. With a preface by E. Wharton. N.Y.: Duffield Co, 1922. 256 p.

Gerhardie W. Futility. A Novel on Russian themes. With a preface by Holroyd M. Bungay, Suffolk: Penguin Books. 1971. 184 p.

Gerhardi W. Anton Chehov. London: Richard Cobden-Sanderson, 1923. 192 p.

Gerhardie W. The Polyglots. Oxford: Univ. press, 1987. With a preface by M. Holroyd. V–X, 328 p.

Gerhardie W. Memoirs of a Polyglot. L.: Robin Clark, 1990. 381 p.

Gerhardie W. Notebooks // Box 11, Gerhardie Archive, Cambridge University Library (Additional Manuscript 8292).

Kelly R. The Inspirational Gerhardie// URL:
<http://www.faber.co.uk/blog/the-inspirational-william-gerhardie/> (mode of
access 20/01/2017)

Sell R. D. Gerhardie's Chekhovian Debut // *Essays in Criticism*.
Oxford, 1991. № 41. P. 28–50.

Snow C.P. Comments on Neglected Books of the Past 25 Years //
American Scholar. 1970. Spring. N 39. P. 344–345. Published by The Phi
Beta Kappa Society.

The Times. L., 1973. June 28. P.15.

References

Bailey J. (2005). *Baby Face: William Gerhardie // Bailey J. The power
of delight: a lifetime in literature: essays, 1962–2002 / Ed. by Carey. P. 89 –
94. L., N.Y.: W.W.Norton.*

Chekhov A.P. (1977). *Gousev // Chekhov A. Polnoe sobranie
sochineniy: v 30 t. T.7. S. 327 – 339. Moskva: Nauka.*

Craig R. (1982). *The Early Fiction of William Gerhardie // Novel: A
Forum on Fiction. Spring. No 3, vol. 15. P. 240 – 245. Durham: Duke univ.
press.*

Davies D. (1990). *William Gerhardie: A biography. 446 p. Oxford:
Oxford univ. press.*

Gerhardi W. (1922). *Futility. A Novel on Russian themes. With a
preface by E. Wharton. 256 p. N.Y.: Duffield Co.*

Gerhardi W. (1923). *Anton Chehov. 192 p. London: Richard
Cobden-Sanderson.*

Gerhardie W. (1971). *Futility. A Novel on Russian themes. With a
preface by Holroyd. 184 p. M. Bungay, Suffolk: Penguin Books.*

Gerhardie W. (1987). The Polyglots. With a preface by M. Holroyd. V–X, 328 p. Oxford: Univ. press.

Gerhardie W. (1990). Memoirs of a Polyglot. 381 p. L.: Robin Clark.

Gerhardie W. Notebooks // Box 11, Gerhardie Archive, Cambridge University Library (Additional Manuscript 8292).

Kelly R. (2011). The Inspirational Gerhardie // URL: <http://www.faber.co.uk/blog/the-inspirational-william-gerhardie/> (mode of access: 20/01/2017)

Sell R. D. (1991). Gerhardie's Chekhovian Debut // Essays in Criticism. № 41. P. 28–50. Oxford.

Snow C.P. (1970). Comments on Neglected Books of the Past 25 Years // American Scholar. (1970). Spring. N 39. P. 344–345. Published by The Phi Beta Kappa Society.

The Times (1973). June 28. P.15. L.

Tourgenev I.S. (1976) Otsi I deti // Tourgenev I.S. Sobranie sochineniy: v 12 t. T.7. S. 151–334. Moskva: Khudozh. lit.